В то время, когда Лютер вручил народу Германии прежде недоступную ему Библию, Тиндаль, побуждаемый духом Божьим, сделал то же самое и в Англии. Библия Уиклифа переводилась с латинского текста, в котором имелось много ошибок. Она никогда не была отпечатана, а цена переписанной от руки книги была так велика, что только богатые люди и дворяне могли приобрести ее. К тому же она была запрещена церковью и получила самое незначительное распространение. В 1516 году, за год до появления тезисов Лютера, Эразм осуществил первопечатное издание Нового Запета на греческом языке, а вскоре появился и его латинский перевод. Теперь Слово Божье впервые было напечатано на языке оригинала. В этом издании были исправлены ошибки многих предыдущих переводов и уточнен текст. Это помогло многим образованным людям лучше постичь истину, и, конечно, послужило толчком в деле Реформации. Однако Слово Божье по-прежнему в большей степени оставалось недоступным для простого народа. Тиндаль должен был окончить начатое Уиклифом дело и дать Библию своим соотечественникам.

Усердный исследователь и серьезный искатель истины, он принял Евангелие, читая изданный Эразмом Новый Завет на греческом языке. Он бесстрашно проповедовал свои убеждения, настаивая на том, чтобы любое учение должно проверяться Священным Писанием. На заявление папства, что Библию дала церковь, и только она одна может ее толковать, Тиндаль отвечал: "Вы знаете, кто научил орлов отыскивать себе добычу? Итак, Тот же Самый Бог и учит Своих голодных детей искать Отца в Слове Его. Не вы дали нам Писание, напротив, вы скрывали его от нас; вы отправляли на костер тех, кто проповедовал его; да если бы только вы могли, вы сожгли бы и само Писание".

Проповеди Тиндаля вызывали большой интерес, и многие принимали истину. Но священники были на страже, и как только он оставлял поле своей деятельности, они угрозами и ложью пытались разрушить то, что он созидал. И часто им удавалось сделать это. "Что можно предпринять? — восклицал Тиндаль, — в то время как я сею в другом месте, приходит враг и разоряет поле, оставленное мной. Я не могу быть везде. О, если бы верующие имели Священное Писание на их родном языке, тогда они могли бы бороться с этими лжемудрствованиями. Без Библии невозможно утвердить людей в истине".

Эта мысль не давала Тиндалю покоя. "На родном языке, — говорил он, — израильский народ пел псалмы в храме Иеговы, и неужели Евангелие не должно звучать среди нас на английском языке?.. Разве церковь должна иметь меньше, света в полдень, чем на рассвете?.. Христиане должны читать Новый Завет на своем родном языке". Богословы и учители церкви противоречат друг другу. Только с помощью Библии люди могли

обнаружить истину. "Один слушает этого учителя, другой — другого... И каждый из ученых противоречит остальным. Как же мы сможем отличить истинное от ложного?.. Как?.. Только с помощью Слова Божьего".

Спустя некоторое время с Тиндалем спорил один богослов-католик, который с пылом воскликнул: "Для нас лучше жить без законов Божьих, чем без папских!" Тиндаль ответил на это: "Мне нет дела до папы и его законов. Если Бог продлит мою жизнь, то через несколько лет я добьюсь того, что мальчик, идущий за плугом, будет знать Писание лучше вас".

Теперь Тиндаль утвердился в намерении, которое давно вынашивал в своем сердце, — дать народу Новый Завет на его родном языке, и немедленно приступил к работе. Изгнанный из своего дома, он отправился в Лондон, где некоторое время мог беспрепятственно трудиться. Но снова ярость папистов заставила его бежать. Казалось, во всей Англии не найдется ему места, и он решил искать убежища в Германии. Там он и начал печатать Новый Завет на английском языке. Дважды его работа приостанавливалась, но когда ему запрещали печатать в одном городе, он отправлялся в другой. Наконец он поехал в Вормс, где несколько лет назад Лютер защищал Евангелие перед сеймом. В этом старинном городе было много друзей Реформации, и Тиндаль без помех продолжил свою работу. Вскоре были напечатаны три тысячи экземпляров Нового Завета, и в том же году потребовалось еще одно издание.

Он продолжал свои труды с величайшей серьезностью и настойчивостью. Невзирая на бдительность английских властей, строго контролировавших порты, тайными путями Слово Божье доставлялось в Лондон, а оттуда расходилось по всей стране. Паписты прикладывали все усилия к тому, чтобы задушить истину, но тщетно. Епископ из Дархэма однажды скупил у книготорговца, который был другом Тиндаля, весь его запас Библий и намеревался уничтожить их, полагая, что этим причинит большой ущерб деятельности реформатора. Но получилось наоборот: на вырученные деньги приобрели материал для нового, гораздо более лучшего издания, которое иначе не было бы напечатано. Когда впоследствии Тиндаль стал узником тюрьмы, его обещали выпустить на свободу при условии, если он выдаст имена людей, которые оказывали ему материальную помощь в печатании Библии. На это он ответил, что епископ из Дархэма сделал в этом отношении больше, чем кто-либо другой, так как, уплатив крупную сумму денег за Библии, он тем самым способствовал успешному продвижению его работы.

Тиндаль был предан в руки врагов и многие месяцы провел в тюрьме. Наконец он

мученической смертью засвидетельствовал свою веру, но подготовленное им оружие помогло и другим воинам сражаться в течение всех столетий, вплоть и до наших дней.

Латимер с кафедры говорил о том, что Библия должна читаться на родном языке народа. "Творец Священного Писания, — сказал он, — Сам Господь, и Писание такое же могущественное и вечное, как его Автор. Нет ни одного царя, императора или правителя... который не был бы обязан повиноваться... Его святому Слову. Давайте не будем ходить окольными путями, пусть Слово Божье руководит нами. Давайте не будем идти по стопам... наших предков — нам следует делать не то, что они сделали, но то, что они должны были сделать".

Барнс и Фрайт, преданные Друзья Тиндаля, встали на защиту истины. Их примеру последовали Ридлиз и Крэнмер. Руководители английской Реформации были людьми образованными, и большинство из них пользовались глубоким уважением со стороны католической церкви за свое усердие и благочестие. Их противостояние папству и явилось результатом близкого знакомства с заблуждениями "святого престола". Знание тайн Вавилона придавало большую силу их свидетельствам против него.

"Теперь позвольте мне задать вам несколько странный вопрос, — сказал однажды Латимер в своей проповеди. — Кто является самым усердным епископом и прелатом во всей Англии?.. Вижу, вы ждете услышать его имя... Я скажу вам: это сатана. Он никогда не оставляет своей епархии; обратитесь к нему в любое время, и вы всегда найдете его дома; он всегда занят делом. Вы никогда не увидите его праздным, это я вам точно говорю. Где поселяется дьявол... там избавляются от книг и приобретают свечи; там исчезают Библии и появляются четки; там заслоняются от света Евангелия и в полдень зажигают свечи... отвергают крест Христов и возвышают чистилище, чтобы обворовывать верующих,... перестают помогать бедным, несчастным и немощным, но украшают иконы, поклоняются идолам, утверждают человеческие предания и законы, отвергая Бога и Его святое Слово... О, если бы наши прелаты с таким же усердием сеяли семя добрых учений, как сатана сеет плевелы и сорные травы!".

Главный принцип, защищавшийся этими реформаторами, — тот же, который отстаивали и вальденсы, Уиклиф, Ян Гус, Лютер, Цвингли и их приверженцы, а именно: непоколебимый авторитет Священного Писания как мерила веры и жизни. Они отрицали право пап, соборов, отцов церкви и королей контролировать совесть человека во всем, что касается религии. Библия была для них единственным авторитетом, и ею они поверяли все другие учения и суждения. Вера в Бога и Его Слово поддерживала этих праведников, когда они всходили на костры. "Не падай духом, — воскликнул

Латимер, обращаясь к своему товарищу-мученику, когда пламя подобралось совсем близко, — мы сегодня зажжем такой свет по всей Англии, который, я надеюсь, по милости Божьей никогда не погаснет".

В Шотландии семя истины, посеянное Колумбой и его соратниками, никогда не было вполне уничтожено. В течении целых столетий после того, как церкви в Англии подчинились Риму, шотландская церковь продолжала отстаивать свою свободу. Но в XII веке папство и здесь пустило свои корни, и нигде его власть не была так безгранична, как в этой стране. Но и сквозь плотный мрак пробивались лучи света, которые несли надежду на наступающий рассвет. Лолларды, которые привезли из Англии Библию и учение Уиклифа, много сделали для сохранения евангельского света, и в каждом столетии были свои свидетели и мученики за веру.

С началом великой Реформации здесь появились сочинения Лютера, а также и переведенный Тиндалем Новый Завет. Незамеченные папской властью, эти вестники безмолвно пересекали горы и долины, все освещая светом истины, который уже едва теплился в Шотландии. Усилия Рима, насаждавшего здесь в течении четырех столетий свою власть, оказались тщетными.

Пролитая кровь мучеников сообщила новые силы этому движению. Папские власти, увидев возникшую опасность, бросили на костер некоторых знатнейших сыновей Шотландии. Но этим они только воздвигли кафедру, с которой по всей стране разносились слова умирающих мучеников, наполняя сердца народа непоколебимым стремлением свергнуть оковы Рима.

Гамильтон и Уишарт, люди благородные и по характеру, и по происхождению, вместе с другими простыми учениками погибли мученически. Уишарт, сожженный на костре, оставил достойного преемника, которого огонь был не в силах заставить умолкнуть и кому было суждено, с Божьей помощью, нанести смертельный удар по папству в Шотландии.

Джон Нокс отвернулся от традиций и мистицизма церкви и принял истину Слова Божьего, учение Уишарта еще более укрепило его решение порвать с Римом и присоединиться к гонимым реформаторам.

Друзья убеждали его принять на себя обязанности проповедника, он с трепетом отказывался, но после долгих дней молитв и мучительной внутренней борьбы все же согласился. Взяв на себя эту ответственность, он с непоколебимой решительностью и неизменным мужеством трудился до конца своей жизни. Этот убежденный реформатор не знал страха. Пылающие вокруг костры, на которых сжигали мучеников, лишь придавали ему усердия. Даже занесенный над ним меч тирана не мог заставить его изменить свои взгляды, и он бесстрашно наносил по идолопоклонству все новые удары.

Оказавшись перед королевой Шотландии, в присутствии которой терялись многие протестанты, Джон Нокс неустрашимо свидетельствовал об истине. Его нельзя было сломить ни лестью, ни угрозами. Королева обвинила его в ереси. Она заявила, что, призывая народ принимать запрещенное государством вероучение, он нарушает закон Божий, повелевающий подчиняться светской власти. На это Нокс твердо ответил: "Так как истинная религия черпает свою силу не от властей предержащих, но от Вечного, Единого Бога, то в делах веры подданные не обязаны подчинять свои убеждения вкусу князей. Часто случается, что в вопросах истинной веры князья являются самыми несведущими людьми.... Если бы семя Авраамово приняло религию фараона, подданными которого они были на протяжении столь длительного времени, каким же, осмеливаюсь спросить Вас, государыня, богам теперь поклонялся бы мир? И если бы во дни апостолов все приняли религию римских кесарей, какая же тогда господствовала бы вера на земле?.. Итак, государыня. Вы можете видеть, что подчиненные не обязаны исповедовать веру своих правителей, хотя и обязаны повиноваться им".

На это последовало возражение королевы: "Вы объясняете Писание на один лад, а они (римско-католические учители) — на другой. Кому же я должна верить и кто вас рассудит?"

"Вы должны верить Господу, Который в Своем Слове все сказал откровенно, — ответил реформатор, — верить тому, чему учит Слово, а не тому, что будут вам толковать разные люди. Слово Божье понятно само по себе, и если встречается какое-нибудь неясное место, то Дух Святой, Который никогда не противоречит Себе Самому, поможет уразуметь это посредством других текстов, так что уже не останется никакого сомнения, разве только человек будет продолжать упорствовать в своем невежестве".

Так, в присутствии Ее королевского величества, рискуя жизнью, реформатор бесстрашно говорил об истине. С таким же неустрашимым мужеством он твердо шел к поставленной перед собой цели, молясь и сражаясь за дело Господне, пока наконец Шотландия не была освобождена от папства.

В Англии узаконение протестантизма как национальной религии в значительной степени усмирило ярость преследования, хотя гонения и не прекратились окончательно. Многие доктрины были отвергнуты, но сохранилось немало внешних проявлений католического обряда. Верховная власть папы более не признавалась, его место во главе церкви занял монарх. И в богослужениях было немало отклонений от евангельской чистоты и простоты. Великий принцип религиозной свободы не был воспринят в должной мере. Хотя протестантские вожди редко позволяли себе действовать с той бесчеловечной жестокостью, с какой Рим боролся против ереси, тем не менее право каждого человека служить Богу согласно его совести оставалось непризнанным. Все были обязаны принять вероучение господствующей церкви и выполнять предписываемые ею обряды. Инакомыслящие же на протяжении столетий в большей или меньшей мере подвергались гонениям.

В XVII веке тысячи пасторов были отстранены от служения. Посещение любых религиозных собраний, кроме установленных официальной церковью, грозило большим штрафом, тюремным заключением и высылкой. Верующие, всецело преданные Господу, были вынуждены собираться для совместной молитвы в уединенных домах где-нибудь в темных переулках, а в теплое время года их приютом становился ночной лес. И в лесной непроходимой чащобе, этом храме, воздвигнутом рукой Творца, собирались гонимые дети Божьи, чтобы излить свою душу в благодарственной молитве. Подобная предосторожность не всегда спасала: многие пострадали за свою веру. Темницы были переполнены, семьи разбиты, немало людей оказались высланы за пределы родной страны. Но Бог не покинул Свой народ, и жестокие гонения не заставили его замолчать. Многие пересекли океан и, поселившись в Америке, заложили там основание гражданской и религиозной свободы, которая впоследствии сплотила и прославила эту страну.

И снова, как и во дни апостолов, преследования послужили только толчком к распространению Евангелия. В страшном подвале, переполненном развратниками и преступниками, Джон Буниан чувствовал близость Неба, там он написал чудесный символический рассказ о путешествии пилигрима из страны смерти в небесный град. Более чем 200 лет этот голос, раздавшийся впервые в стенах Бедфордской тюрьмы, с проникновенной силой обращался к сердцам людей. "Путешествие пилигрима" и "Преизбыточная милость к величайшему из грешников", написанные Бунианом, многим помогли выбрать жизненный путь.

Бакстер, Флавел, Аллеин и другие талантливые, образованные мужи, обладавшие большим духовным опытом, мужественно защищали истину, "однажды преданную

святым". То, что совершили эти люди, гонимые и лишенные всяких гражданских прав, никогда не утратит своей значимости. Сочинения Флавела "Источник жизни" и "Влияние благодати" научили многих преданности Иисусу. Книга Бакстера "Возрожденный пастырь" явилась благословением для тех, кто жаждал возрождения Божьего дела; предназначение другой его книги — "Вечный покой святых" — направлять души к "покою", в котором должен пребывать народ Божий".

Спустя столетие, во время глубочайшего духовного мрака, путь людям озаряли Уэсли и Уайтфильд. Во время господства государственной церкви народ Англии дошел до такого религиозного упадка, что едва ли отличался чем-либо от язычников. Духовенство погрузилось в исследование естественной религии, и к этому вопросу сводилось в основном их богословие. Благочестие стало предметом насмешек высших слоев общества, гордившихся своим свободомыслием. Низшие сословия утопали в невежестве и пороках, а у церкви не было ни мужества, ни веры, чтобы помочь гибнущему делу истины.

Великий принцип оправдания через веру, так четко сформулированный Лютером, оказался почти забытым, на первом месте был католический принцип, согласно которому спасение человека достигается добрыми делами. Уайтфильд и братья Уэсли принадлежали государственной церкви и искренне стремились заслужить милость Божью, которая, как их учили, приобретается добродетельной жизнью и соблюдением религиозных предписаний.

Однажды Чарльз Уэсли тяжело заболел и стал готовиться к смерти, его спросили, на чем основана его надежда на вечную жизнь? Он сказал: "Я служил Господу всеми своими силами". Его друг, задавший этот вопрос, казалось, не был удовлетворен ответом, а Уэсли подумал: "Неужели все мои труды не позволяют мне надеяться на спасение? Разве кто-либо может лишить меня всего того, что я сделал? Мне не на что больше уповать". Вот каким глубоким мраком была окутана церковь, в нем скрывалась и искупительная жертва Христа, и Его слава, тьма застилала сознание людей, лишая их единственной надежды на спасение, заключавшейся в крови распятого Искупителя.

Уэсли и его единомышленники пришли к убеждению, что настоящая религиозность сокрыта в сердце, а закон Божий распространяется на мысли человека так же, как на слова и поступки. Святость сердца, непорочная жизнь казались им необходимыми условиями праведности, к которой они искренне стремились. Молитвами они старались победить греховные наклонности своего естества. Придавая большое значение смирению и добрым делам, они ограничивали себя во всем, с необычайной строгостью и

прилежанием выполняя все, что могло бы им помочь достичь желанной цели — святости, дающей право на благоволение Божье. Но они не достигли того, к чему стремились. Напрасно были все старания освободить себя от проклятия греха, сокрушить его власть над собой. Такую же борьбу пережил и Лютер в монастырской келье в Эрфурте. Их мучил тот же самый вопрос: "как оправдается человек перед Богом?" (Иов. 9:2).

Огонь Божественной истины, почти погасший на алтарях протестантизма, должен был вспыхнуть от древнего факела, переданного потомству богемскими христианами. После Реформации протестантизм в Богемии был подавлен римскими ордами. Все, отказывавшиеся отречься от истины, вынуждены были бежать. Кое-кто, найдя убежище в Саксонии, продолжал и там сохранять древнюю веру. От потомков этих христиан Уэсли и его сподвижники приняли свет истины.

После того, как Джон и Чарльз Уэсли были рукоположены для служения, их послали с миссионерским поручением в Америку. На борту парохода находилась группа моравских братьев. Во время сильного шторма, когда пассажиры смотрели в глаза смерти, Джон Уэсли чувствовал, что он не примирен с Богом. Немцы же удивили его своим спокойствием и доверием Господу, что было незнакомо Джону.

"Я долго наблюдал, — рассказывает он, — как необычно они себя вели. Их смирение постоянно обнаруживалось во всевозможных услугах другим пассажирам, которые никто из англичан и не думал сделать; они поступали так не ради платы, объясняя, что это очень полезно для смирения гордого сердца, и что любящий Спаситель сделал для них гораздо больше. Ничто не могло вывести их из себя и лишить самообладания. Когда во время шторма приходилось переносить качку, неприятные, болезненные толчки и сильные ушибы, ни единого звука жалобы или ропота не срывалось с их уст. Теперь у них была возможность показать, что они так же свободны от страха, как и от гордости, гнева и раздражения. Во время пения, которым началось их богослужение, на пароход обрушилась огромная волна, разорвавшая на куски большой парус и накрывшая собой все судно так, что казалось, будто беспросветная бездна уже поглотила всех нас. Среди англичан раздался страшный вопль; немцы же спокойно продолжали петь. Потом я спросил одного из них: "Вы не испугались?" И услышал ответ: "Благодарю Бога, нет". Я снова спросил его: "Разве вашим женам и детям не было страшно?" На что он кротко ответил: "Нет. Наши жены и дети не боятся умереть".

Прибыв в Саванну, Уэсли некоторое время жил среди моравских братьев и был глубоко тронут их христианским поведением. Описывая одно из их богослужений, которое так

сильно отличалось от безжизненного формализма английской церкви, он заметил: "Величайшая простота и вместе с тем торжественность их богослужения перенесли меня на семнадцать веков назад, и я вообразил себе, что нахожусь на одном из тех собраний, когда не было еще никакой формальности и внешней парадности. Богослужением руководил Павел, делатель палаток, или рыбак Петр. Но чувствовалось влияние Святого Духа и Его сила".

После возвращения в Англию Уэсли — под руководством одного моравского пастора — пришел к более ясному пониманию библейской веры. Он убедился, что нет никакой надежды спастись при помощи собственных дел, что следует всецело полагаться на "Агнца Божия, берущего на Себя грехи мира". Как-то на одном из собраний моравского общества в Лондоне было прочитано изречение Лютера о перемене, происходящей под влиянием Духа Божьего в сердце верующего человека. В душе Уэсли, слушавшего эти слова, зажглось пламя веры. "Я чувствовал: чтобы спастись, я должен уповать на Христа, только на Христа. Во мне появилась уверенность, что Он освободил меня от грехов моих, именно моих, и спасет меня от закона греха и смерти".

В течение долгих лет изнурительной безуспешной борьбы и сурового самоотречения, осыпаемый упреками, терпя унижения, Уэсли искал Бога. И теперь он нашел Его; он узнал, что благодать, которую он пытался заслужить молитвами и постами, благотворительностью и самопожертвованием, есть дар, который нельзя купить за деньги, ибо он "не имеет цены".

Утвердившись в вере во Христа, он зажегся желанием повсюду распространять знание о чудесном Евангелии безвозмездной благодати Божьей. "Я смотрю на весь мир как на мой приход, — говорил он, — где бы я ни находился, я считаю своим долгом, правом и обязанностью провозглашать радостную весть спасения всем, кто пожелает слушать".

Он по-прежнему вел суровый, самоотверженный образ жизни, однако теперь она была для него уже не основанием, но результатом веры, не корнем, но плодом святости. Благодать Божья во Христе является основанием христианской надежды, и этот дар проявляется в послушании. Оправдание через веру в искупительную кровь Христа; обновляющая сила Святого Духа в сердце, которая преображает человека, следующего примеру Христа,- проповеди этих великих истин Уэсли отдал всю свою жизнь.

Уайтфильд и братья Уэсли были подготовлены к предстоящей им деятельности

длительным и мучительным осознанием своего жалкого состояния, они прошли сквозь горнило насмешек, издевательств и гонений еще в университете и в начале своего служения для того, чтобы затем переносить все лишения как добрые воины Христа. Неверующие товарищи-студенты презрительно называли их "методистами" — это название в настоящее время носит одно из самых больших и уважаемых христианских объединений Англии и Америки.

Будучи членами англиканской церкви, они тяготели к ее формам богослужения, но Господь показал им в Слове Своем более совершенный образец. Святой Дух побуждал их проповедовать Христа распятого. Сила Всемогущего сопровождала их труды. Убедившись в их правоте, тысячи людей обратились в истинную веру. Эта паства нуждалась в защите от яростных нападений волков. Уэсли не имел никакого намерения формировать новое вероисповедание, но организовал всех верующих в Объединение методистов.

Государственная церковь вступила в необъяснимую и изматывающую борьбу с этими проповедниками, но Господь в Своей премудрости так направил события, что реформа началась внутри самой церкви. Будь реформа навязана извне, она не коснулась бы тех сторон церковной жизни, которые особенно нуждались в переменах. Но поскольку проповедниками возрождения были сами служители церкви, обладавшие большими возможностями, то истина проникла туда, где при иных условиях двери перед ней оказались бы закрыты. Кое-кто из духовенства, преодолев нравственное оцепенение, становились ревностными проповедниками в своих же приходах. Церкви, пораженные формализмом, пробуждались к новой жизни.

Во времена Уэсли, как и во все века истории церкви, то или иное служение выполняли люди, одаренные различными талантами. У них возникали порой разногласия относительно какого-либо пункта доктринального учения, но все они были движимы Духом Божьим, их объединяло одно всепоглощающее стремление — приобретение душ для Христа. Возникшие однажды противоречия между Уайтфильдом и братьями Уэсли угрожали привести к разделению. Но наученные кротости в школе Христа, они, благодаря взаимной снисходительности и любви, сумели найти общий язык и примириться. Было не до споров, когда вокруг царили заблуждения, нечестие и грешники шли прямой дорогой к гибели.

Слуги Божьи вступили на тернистый путь. Им противодействовали влиятельные и образованные люди. Вскоре на них обрушилась ярость духовенства, и двери церквей закрылись перед чистотой веры и перед теми, кто проповедовал ее. Их поносили с

кафедр, возбуждая враждебность невежественных и неверующих людей. Не раз Джон Уэсли спасался от смерти только по милости Божьей. Однажды, когда он очутился среди разъяренной черни и, казалось, уже не было никакого выхода, ангел Божий в образе человека защитил его, народ отступил, и слуга Иисуса Христа невредимым покинул опасное место.

Вспоминая об одном из таких чудесных случаев, Уэсли рассказывал: "Когда мы спускались с высокого холма по скользкой тропинке, некоторые пытались сбить меня с ног, предполагая, очевидно, что если я упаду, то больше не встану. Но я ни разу не споткнулся и даже не поскользнулся и благополучно увернулся от преследователей. Многие безуспешно пытались схватить меня за воротник и за рукава, одному посчастливилось уцепиться за карман жилета, но тот моментально оторвался... другой карман, в котором лежали деньги, был разорван только наполовину. Какой-то здоровенный парень несколько раз замахивался тяжелой дубиной, одного удара которой по голове было бы достаточно. И я не знаю, как это получалось, но всякий раз он промахивался, хотя я не мог уклониться ни вправо, ни влево. Другой, пробившись через толпу, подскочил ко мне и хотел было ударить, но внезапно его рука опустилась, лишь слегка задев меня, он сказал: "Какие же у него мягкие волосы!" И эти городские сорвиголовы, заправилы черни во всех стычках и драках — один из них был борцом с медведями — потом переменили ко мне свое отношение".

"Как мягко и постепенно Бог готовит нас для выполнения Своей воли! Два года назад кирпич, брошенный в меня, поранил мне плечо. Спустя год меня стукнули камнем по переносице. В прошлом месяце на меня обрушился удар, а сегодня вечером это случилось дважды; когда мы входили в город, а потом — когда покидали его, но все это пустяки. Какой-то мужчина изо всех сил ударил меня в грудь, а другой — по губам, да так, что моментально хлынула кровь, но я совсем не чувствовал боли, как будто ко мне прикоснулись соломинкой".

В первые годы своего существования методисты — и верующие, и проповедники — подвергались насмешкам и гонению как со стороны членов церкви, так и со стороны откровенных безбожников, которых подстрекали разными ложными слухами. Методистов нередко судили, хотя это были не суды, а скорее судилища, потому что справедливость была там редкостной гостьей. Верующие часто подвергались насилию. Их дома громила уличная чернь, грабя и круша имущество, издеваясь над всеми подряд. Порой даже вывешивались объявления, приглашающие всех, желающих участвовать в погроме методистов, явиться туда-то в такое-то время. Такое грубое и неприкрытое нарушение и человеческих, и Божественных законов не встречало никакого противодействия. А ведь единственной виной этих людей, которые подвергались систематическому преследованию и травле, было то, что они хотели направить

грешников с пути гибели на стезю спасения.

Отвечая на обвинения, выдвинутые против него и его сотрудников, Джон Уэсли говорил: "Некоторые утверждают, что учение этих людей ложное, ошибочное, фанатичное и ни с чем несообразное, а приверженцы его — квакеры, фанатики, паписты. Но для подобных обвинений нет абсолютно никаких оснований, так как широко доказано, что все элементы этого вероучения соответствуют ясному истинному учению Священного Писания, как его толкует наша церковь. Если Писание истинно, то и учение это не может быть ложным или ошибочным. Другие утверждают, что их учение слишком сурово, и путь, ведущий к небу, слишком узок. Это действительно было первым (и в свое время единственным) обвинением, предъявленным им, на котором основывались все последующие. Но разве они сузили этот путь, проложенный Христом и апостолами? Разве их учение строже библейских заповедей? Обратите внимание только на некоторые: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим". "За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут ответ в день суда". "Едите ли вы, пьете ли, или (иное) что делаете, все делайте во славу Божию".

Если их учение расходится с этими требованиями, тогда действительно оно достойно порицания, но вы же сами признаете в душе, что это не так. Кто же может допустить даже самую малейшую неточность по отношению к Слову Божьему, чтобы не исказить его? Может ли хранитель тайн Божьих считаться верным, если он изменит что-либо в этой святой сокровищнице? Конечно, нет. Он не может ничего ни уменьшить, ни смягчить; он обязан сказать всем людям: "Я не могу приспосабливать Священное Писание к вашему вкусу. Вы должны или жить согласно его требованиям, или же погибнуть навеки". Вот почему люди и начинают кричать: "У них нет любви!" Неужели? Разве они не кормят голодных и не одевают раздетых? Нет, дело не в этом. В этом их нельзя обвинить. Они слишком немилосердны в своих суждениях, потому что уверены, что никто не может быть спасен, если не последует их примеру".

Духовный упадок, который намечался в Англии накануне появления Уэсли, был главным образом вызван учением, упускавшим из виду закон Божий. Многие утверждали, что Христос устранил нравственный закон и христиане не обязаны соблюдать его, что каждый христианин освобождается из-под "рабства добрых дел". Другие, хотя и признавали непреложность закона, но заявляли, что нет никакой надобности проповедникам учить народ соблюдать его предписания, так как избранные Богом для спасения "непреодолимым действием Божественной благодати сами придут к благочестию и добродетели", в то время как обреченные на вечную гибель "не в состоянии исполнить требования Божественного закона".

Другие, также считавшие, что "избранные не могут лишиться Божественной милости и благодати", пришли к еще более ужасающему выводу, уверяя, что "беззаконные дела, совершаемые такими людьми, не являются грехом и нарушением Божественного закона, и, следовательно, им нет никакой нужды раскаиваться в своих прегрешениях и просить прощения". Поэтому, заявляли они, даже самый отвратительный грех, который "считается грубейшим нарушением Божественного закона, не является грехом в очах Божьих, если совершен одним из избранных, поскольку Его избранные тем и отличаются, что не могут сделать ничего неугодного Богу или же запрещенного Его законом".

Эти чудовищные доктрины можно обнаружить в более позднем учении известных богословов и наставников, утверждавших, что не существует непреложного Божественного закона как мерила справедливости, но общество само вырабатывает нормы нравственности, которые постоянно подвергаются изменению. Все эти идеи исходят от того духа, который начал свою деятельность среди безгрешных существ, стремясь уничтожить справедливые ограничения закона Божьего.

Учение о том, что судьба каждого человека предопределена Богом, для многих людей явилось основанием для отвержения закона Божьего. Уэсли мужественно боролся с заблуждением этого антиномистического учения и доказывал, что оно противоречит Священному Писанию. "Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков". "Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех" (Тит. 2:11; 1 Тим. 2:3-6). Дух Божий снисходит ко всем нам, предлагая каждому человеку воспользоваться дарами спасения. Так Христос, "истинный Свет", "освещает каждого человека, приходящего в мир" (Ин. 1:9). Добровольно отказываясь от дара жизни, люди лишаются спасения.

В ответ на утверждение, что смерть Христа делает ненужными и десять заповедей, и обрядовой закон, Уэсли говорил: "Моральный закон, изложенный в десяти заповедях и проводимый в жизнь пророками, не упразднен Христом. Он пришел на землю не для того, чтобы отменить какую-либо часть этого закона. Ибо этот закон не подлежит никакому изменению, он незыблем, "как верный свидетель на небе"... Он существовал от начала мира и был начертан не на каменных скрижалях, но в сердцах людей, сотворенных рукой Творца. И хотя сейчас письмена Божьи искажены пеленой греха, все же начертанное Господом не может быть окончательно уничтожено, пока в нас живет сознание добра и зла. Каждая заповедь этого закона должна оставаться в силе

для всего человечества во все века, ибо закон этот не зависит ни от времени, ни от места, ни от каких-либо других факторов, подверженных изменению, но основывается на природе Бога и природе человека и их не меняющихся отношений друг с другом.

"Не нарушить пришел Я, но исполнить"... Несомненно, что Христос подразумевал здесь следующее, что соответствует всем Его предыдущим и последующим словам: Я пришел, чтобы восстановить его в его полноте, вопреки всем человеческим толкованиям; Я пришел, чтобы до конца разъяснить все, что было неясно и непонятно; Я пришел, чтобы раскрыть истинный смысл каждой заповеди, показать широту их подлинного содержания, присущие им высоту и глубину, выявить непостижимую чистоту и духовность закона во всех деталях.

Уэсли провозглашал совершенную гармонию закона и Евангелия. "Между законом и Евангелием существует самая тесная связь, какую только можно представить себе. С одной стороны, закон постоянно прокладывает дорогу к Евангелию и указывает нам на него, с другой — Евангелие постоянно направляет нас ко все более точному исполнению закона. Закон, например, требует от нас, чтобы мы любили Бога, наших ближних, чтобы мы были кротки, смиренны и праведны. Но мы чувствуем, что не способны жить таким образом, да это и "невозможно человеку", однако мы помним об обетованиях Господа, Который обещал нам дать такую любовь и сделать нас смиренными, кроткими и праведными, и мы принимаем это Евангелие, эту благую весть; и это совершается для нас по нашей вере, и "праведность закона исполняется в нас" через веру в Иисуса Христа...

Сильнейшие враги Евангелия, — продолжает Уэсли, — это те, кто явно и открыто порочат закон и судят его; кто учит людей нарушать, устранять, отменять не только какую-то одну заповедь, самую легкую или самую трудную, но все заповеди сразу.... Больше всего поражает во всем этом искренняя убежденность людей в том, что, опровергая закон, они чтят Христа и, разрушая Его учение, возвеличивают Его служение! Да, они почитают Его точно так же, как Иуда, который сказал: "Радуйся, Равви!" и поцеловал Его". И Господь имеет полное основание спросить у каждого из них: "Целованием ли предаешь Сына Человеческого?" И если сегодня проповедовать о Его крови и вместе с тем лишать Его царственной короны, упразднять какую-либо часть Его закона якобы для того, чтобы содействовать успеху Евангелия, то разве это не предательство целованием? И действительно, это обвинение не снимается и с тех, кто, проповедуя об истине, прямо или косвенно устраняет необходимость повиновения, кто отменяет или умаляет хотя бы самую легкую из заповедей Божьих".

Тем, кто настаивал на том, что "проповедь Евангелия отвечает всем целям закона", Уэсли отвечал: "Мы полностью отрицаем это. Не выполняется даже самое главное назначение закона — обличать грешников, пробуждать тех, кто дремлет на краю преисподней". Апостол Павел говорит: "законом познается грех"; прежде чем человек действительно не осознает своего греха, он не может почувствовать истинной нужды в искупительной крови Христа.... Наш Спаситель Сам говорит: "Не здоровые нуждаются во враче, но больные". Конечно, неразумно предлагать врача тем, кто здоров или же, по крайней мере, считает себя таким. Вы должны сначала убедить их в том, что они больны, в противном случае люди не оценят вашу заботу. Также неразумно предлагать Христа тем, чье сердце никогда не страдало, никогда не было сокрушено".

Итак, проповедуя Евангелие благодати Божьей, Уэсли, подобно своему Учителю, старался "возвеличить и прославить закон". Он верно и добросовестно выполнил порученную ему Господом работу и смог созерцать чудесные плоды своих усилий. В конце его долгой жизни — он прожил более 80 лет, из которых полвека провел в миссионерских путешествиях, — число его последователей возросло до полумиллиона. И все же только тогда, когда вся семья искупленных соберется в Царствии Божьем, мы узнаем, сколько же на самом деле было тех, кто благодаря его трудам, поднялся из руин греха и порока к возвышенной и чистой жизни, и сколько было тех, кто благодаря его учению получил более глубокий и богатый духовный опыт. Жизнь его является неоценимым примером для каждого христианина. О, как не хватает современным церквам веры и смирения, неистощимого усердия, самопожертвования и посвященности этого служителя Иисуса Христа!